

Николай Петрович Вагнер

Божья нива

Н. П. Вагнер
БОЖЬЯ НИВА

Громадное голое поле и на нём маленькое кладбище. Могильные холмики густо заросли травой и осели. Почерневшие кресты почти все валяются на земле. Некоторые из них, потеряв свою крестовину, торчат, как покочнувшиеся, полусгнившие шестики. Кругом ни жилья, ни селения...

Зачем же здесь похоронили божий люд так далеко от села?!

Жар давно спал. Длинные тени стелются по земле. Мы пришли в село, остановились у новой двухэтажной избы; на завалинке сидел высокий, сторбленный старик, седой, как лунь, с добродушным, кротким лицом. Из калитки вышла приземистая, толстая баба.

— Что, тётушка, — спросил я, — это что у вас за кладбище в двух верстах отсюда?..

— А это «Божья Нива», касатик, — выморочное. Вот оттелева — остатный, сказала она, показывая на старика. Я подсел к нему.

— Дедушка, а дедушка?.. Ты из выморочного?..

Старик ничего не ответил и только приветно улыбнулся.

— А ты ему погромче... — посоветовала ба-

ба. — Он уж совсем оглох, не чувствует!..

Я повторил вопрос погромче.

— Нарочной? — Не! — сказал старик. — Я не нарочной. Я древний дед, древний!

— Ты оттелева! — прокричал я ещё громче над самым ухом старика и указал на поле, по направлению к кладбищу.

— Оттелева, касатик, оттелева — из Молкова, — заговорил он весело и закивал головой, словно обрадовавшись, что понял вопрос.

— Как же это вы все вымерли? — прокричал я опять над его ухом.

— Не слышу, родимый! Крепковат я стал на ухо-то. Крепковат! А прежде во какой был лютой слышать-то. Слышу, было, как трава растёт. Становой ли, окружной ли, исправник ли едет — всё слышу!..

Я опять прокричал над ухом мой вопрос.

— Асинька?! Как вымерли-то... А так вымерли. Божья воля значит! Сельцо было наше сто душ. Это так я помню. А старики старые от дедов слышали, что при царе Лексей Михайлыче было здесь большущее село. Речка Вачка была — так на ней стояло. Кругом были леса, церковь каменная. Торгово село было.

Леса порубили, речка в землю ушла. Теперь от неё ложок остался, да болотины, да званье одно.

Он помолчал, подсевал губами, побряхтел и снова начал дребезжащим, прерывающимся голосом:

— Три смерти у нас было. Перва смерть была в холерный год. Тут нас померло чуть не полсела. В летню пору валило. Тако было горе — просто страсть. Втора смерть опять была поветрие. Разнеможется человек, жаром горит, пятна на нём пойдут и кончится. Тут нас тоже дюже вымерло. Жена у меня померла. Сына да двух дочек оставила. На другой год сын помер, а там и дочку свезли на погост. Другу дочку замуж отдал. Прожила она без малого, почитай, сорок годков — тоже померла... Третья смерть — голодная. Неурожайный год был. Земля у нас совсем плохая. Здесь в Прибывалове, за Скурой речкой — земли важные, чернозём; а у нас, что ни сей — песок да глина. Ну, опять и лугов нет. Каки у нас луга! Лет сорок ещё назад были луга, а как отрезали землемеры Ломчовску дачу, так почитай все луга к Ломчовским отошли; а лесу у нас

давно нету-ти. — Пожары сожгли... Ну так вот, с голодного года и пошла голодная полоса. Как по весне дело — глядь, дворов пять, шесть пустых стоят. Вынесешь, значит, на погост... В прошлом году осталось нас двое... Нет, не в прошлом году... Али... в прошлом году?.. Памяти-то у меня нет, касатик... вот что!.. Памяти нет!..

И старик замолк. Я думал, что он роется в уснувшей памяти... Но он опустил голову и тихо шептал что-то. Голос его хрипел и обрывался...

Я встал с завалинки и, уходя во двор, оглянулся на него. Он сидел неподвижно, не поднимая головы, и не обратил никакого внимания на мой уход.

«Остатный!»... — вспомнилось мне невольно. Часа через два, когда уж совсем стемнело, мы возвращались обратно и снова зашли на заброшенное кладбище.

Тихая и тёплая ночь лежала над «Божьей Нивой». Ночной воздух был полон запахом трав и цветов. Далеко кругом расстилалось ровное поле.

На горизонте чуть виднелась церковь села.

На краю поля выплывал полный, красно-жёлтый месяц. Чуть заметные, лёгкие, как пар, облачка слоились над ним. Всё было полно таинственной тишины — величавой, фантастической, и картина за картиной — незримые, неосязаемые, невольно вставали в ночном воздухе.

Поле раздвигалось, делалось бесконечным. Вся поверхность, всё «лицо земли» превращалось в огромную «Божью Ниву».

Народы и царства сменяли друг друга. Выходили, развивались и, совершив свой земной круг, ложились на всемирную «Божью Ниву»... Сколько слоёв улеглось здесь, под ногами современного человека, на этом громадном поле!...

Всё исчезло, как исчезла теперь эта маленькая вымершая деревенька... Листы громадной истории земли улегались один за другим. Жизнь и смерть начались с растений, оставивших нам каменный уголь. За ними настала очередь миру животных — миру белемнитов, ихтиозавров, мамонтов, мастодонтов, а за ними шёл человек... грубый, неумелый, неуклюжий, звероподобный... Это

была первая буква всемирной истории...

Легли в землю древние цивилизации... Огромную «Божью Ниву» дало курганное племя... Улеглись в пирамидах и на полях Египта фараоны и египтяне... Улеглись вавилоняне, древние персы, индусы, перуанцы... Огромное Campo Santo, украшенное мраморными статуями и урнами, дали цивилизации Рима и Греции.

«Божья Нива» идёт в даль неизведанную... в тёмную ночь отдалённого будущего... где её конец?

Тёмное, безмолвное поле расстилалось перед глазами, чернели, как тёмные тени, покочнувшиеся могильные кресты, эти молчаливые сторожи прошедшего... И надо всей «Божьей Нивой» опрокинулась огромная, бездонная чаша тёмного, таинственного неба... А месяц серебрил всю даль своим ласковым, неизменным, фосфорическим блеском.